научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 630.091

«Станки окрашены в рациональные цвета...»: советский человек и труд в региональной лесной отрасли (по материалам Карелии 1960-х годов)

КУЛАГИН
Олег
Игоревич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, olkulagin@yandex.ru

Ключевые слова:
социально-трудовые отношения
лесная промышленность
Карелия
1960-е гг

Аннотация:
В статье представлен анализ основных характеристик труда в советской лесной отрасли на примере Карелии середины 1960-х гг. В данный период центральная отрасль региональной экономики вступила в полосу перманентного производственного спада, сопровождавшегося снижением объемов заготавливаемого леса, закрытием леспромхозов, увеличением текучести кадров. Одной из главных причин такого положения стали особенности реализации социально-трудовых отношений, сложившихся на тот момент в региональной лесной промышленности. Данные особенности проявились в таких характеристиках трудовой деятельности, как формализм, наличие казенной среды труда, рудименты раннеиндустриального труда, высокие показатели производственного травматизма, слабая приспособляемость к любым положительным новшествам, воспроизводимость неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения, прогулы, текучесть кадров. Автор приходит к выводу, что особенности реализации социально-трудовых отношений, сложившихся в лесной отрасли Карелии в середине 1960-х гг., стали «миной замедленного действия», которая привела главную отрасль региональной экономики к тяжелому кризису в последующие десятилетия.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Для населения Европейского Севера России лес всегда являлся не только традиционной средой обитания, но и главным ресурсом выживания. В Карелии в силу сложившихся традиций местное крестьянство имело необходимые навыки лесозаготовительных и лесосплавных работ. До революции 1917 г. лесозаготовки носили исключительно сезонный характер, вербовка рабочей силы происходила путем заключения лесозаготовительными организациями и предпринимателями подрядных договоров с артелями лесорубов. Однако главным вопросом лесопользования в регионе на уровне государственной политики в дореволюционный, советский и постсоветский периоды был вопрос о социально-экономических характеристиках трудовых отношений в лесной промышленности.

На протяжении XX столетия с постепенным разрушением традиционной северной крестьянской культуры с ее глубоко личным отношением к лесу как к части жизненного мира подвергались разрушению и важнейшие механизмы трудовой мотивации людей, бравших от леса столетиями только

то, что было необходимо для непосредственного выживания крестьянского мира. С началом советского периода в процессе промышленной модернизации Русского Севера стала уходить в прошлое крестьянская бережливость в отношении к лесным богатствам. Экстенсивная индустриализация 1930-х гг., а затем необходимость восстанавливать экономику разрушенной войной страны в 1950-е гг. не только сформировали представление о неисчерпаемых лесных запасах страны, но и в силу демографических особенностей развития северных территорий в те времена (раскулачивание, создание системы ГУЛАГа и т. д.) сформировали новый социальный облик рабочего на лесозаготовках в Карелии. Отчужденность от результатов своего труда, понимание временности пребывания на месте своей работы и «ничейности» леса, который необходим только государству в виде предусмотренных планом кубометров из года в год сопровождались ухудшением показателей эффективности труда на лесозаготовках Карелии, особенно в середине 1960-х гг., которые стали объектом исследования.

Необходимо отметить, что рассматриваемый период развития советской экономики последние полтора десятилетия является полем историографических споров о сущности советской экономики 1950—1960-х гг. При общей оценке советской экономики того периода как переходной исследователи разделились на сторонников административно-командной системы и административно-бюрократического рынка. Экономисты, создатели теории административно-бюрократического рынка, отмечали, что с 1950-х гг. в СССР начала формироваться «экономика согласований», т. е. сложный бюрократический рынок, построенный на обмене — торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами [6]. В современных отечественных исследованиях особое внимание уделяется анализу взаимоотношений элит центра и регионов, формированию корпоративных групповых интересов, роли региональных властей в разработке программ и проектов по хозяйственному освоению регионов.

В то же время до сих пор остаются недостаточно изученными механизмы и технологии лоббирования, неформального согласования региональных и ведомственных интересов, влияние субъективного (личностного) фактора на реализацию программ социально-экономического развития тех или иных регионов [8]. Другими словами, динамика формирования региональной промышленной и социальной инфраструктуры во многом зависела от успешности взаимодействия между партийными и хозяйственными элитами на местах с центральными партийными и ведомственными учреждениями.

Одним из наиболее интересных подходов с точки зрения исследования на стыке истории, экономики и социологии является использование понятия редистрибутивная, или раздаточная, экономика (работы К. Поланьи [15] и О. Э. Бессоновой [7]). Теоретическое осмысление концепции редистрибутивной экономики связано также с именем доктора социологических наук С. Кирдиной [9], которая в своих работах обосновывает существование X (редистрибутивной, к которой относится советская экономика) и Y (рыночной) экономик.

Одной из особенностей советской редистрибутивной экономики был неравномерный характер распределения финансовых ресурсов государства на региональном и отраслевом уровнях. Государственные средства шли на развитие приоритетных для советского государства национальных республик, краев и областей, а также отраслей, связанных с военно-промышленным комплексом. Карелию и ее лесную промышленность можно отнести к периферийным областям с точки зрения интересов главных акторов института редистрибуции.

Одним из недостатков данного выбора со стороны центральных министерств был явный дисбаланс между финансовыми средствами, вкладываемыми в развитие социальной, культурно-бытовой и, частично, индустриальной и транспортной инфраструктуры региона [12].

Одним из самых явных индикаторов дисбаланса данной редистрибуции стало формирование, начиная с 1950-х годов, временной жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры лесозаготовительных предприятий, которая сохранялась в качестве основы жилищного фонда лесных поселков Карелии вплоть до 1980—1990-х гг.

В результате инфраструктурная среда региона стала одним из важнейших негативных факторов конструирования социально-трудовых отношений в рассматриваемый период.

В ряде предыдущих публикаций нами уже рассматривались отдельные проблемы трансформации трудовой мотивации и социального облика рабочих региональной лесной промышленности в период революции, Гражданской войны и НЭПа [11], [17], а также вопросы трудовой мотивации, скрытых социальных конфликтов в лесопромышленном производстве и роль неофициальной экономики во второй половине 1960-х — 1970-х гг. [10], [13], [14].

Сконцентрируем внимание на выявлении особенностей функционирования социально-трудовых отношений в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х гг. для того, чтобы определить роль,

которую данные особенности могли сыграть в последующем развитии отрасли. Основой исследования стал анализ архивных материалов середины 1960-х гг., взятых в Национальном архиве Республики Карелия и впервые введенных автором в научный оборот.

Одной из особенностей функционирования труда стал **формализм** в реализации трудовых отношений между работниками и администрацией предприятий. В рамках данных отношений каждая из сторон больше имитировала выполнение собственных обязательств, нежели их реализовывала. Затронула данная тенденция и одну из самых распространенных форм стимулирования успешного труда — сферу социалистического соревнования между предприятиями.

На III Пленуме областного комитета профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности (1965) в организации соревнования отмечалось «много формализма». Обязательства носили общий характер, ограничивались выполнением количественных показателей, не стимулировали рабочих повышать качество выпускаемых изделий, улучшать культуру производства [1; 3]. При подведении итогов соревнования часто во внимание принималось только выполнение производственных планов без учета принятых обязательств, а в ряде леспромхозов и на других предприятиях итоги соревнования подводились нерегулярно. Результатом такого формализма становилось перманентное невыполнение плановых показателей. В лесной промышленности Карелии в третьем квартале1965 г. ежемесячно не справлялась с планом каждая четвертая малая комплексная бригада. За 9 месяцев план не выполнили 19 леспромхозов и 5 химлесхозов [1; 3].

Другой особенностью труда стало формирование так называемой **казенной среды труда**, которая не формировала у рабочих понимание собственного, личного пространства трудовой деятельности. Во многом это было связано с тем, что вопросы организации производства и урегулирования трудовых отношений решались «сверху», без учета потребностей «снизу». Данный характер взаимодействия позволял осуществлять положительное воздействие только тогда, когда администрация предприятий под давлением критики со стороны местного и центрального партийного руководства вносила улучшения в труд рабочих.

Например, серьезной критике со стороны партийной комиссии подверглись администрация и заводской комитет Сегежского деревообрабатывающего комбината (ДОК) за грязь в цехах, захламленность рабочих мест, запущенное состояние бытовых помещений. В итоге на комбинате были предприняты меры по улучшению условий труда рабочих. За короткий срок здесь был осуществлен ряд мероприятий «по повышению культуры производства», что по сути означало придание предприятию внешне приличного вида. В частности, была проведена работа по благоустройству, озеленению территорий комбината, асфальтированию подъездных путей. В оконных проемах заменили ломаные стекла, провели наружную и внутреннюю побелку цехов, покрасили технологическое оборудование, привели в порядок санитарно-бытовые помещения, комнаты приема пищи и красные уголки.

Значительное внимание созданию приличного вида предприятий в рамках «повышения производственной культуры» было уделено в Паданском и Надвоицком леспромхозах. Здесь утеплили гаражи и мастерские; цеха были переведены на центральное отопление, оборудованы, отштукатурены и побелены душевые установки, «…станки окрашены в рациональные цвета…» [1; 17].

Однако повышение комфорта в среде труда носило в основном временный и поверхностный характер, не меняя «казенности» рабочего пространства для тружеников.

Элементами формального подхода к претворению в жизнь декларируемых государством достижений научно-технической революции в трудовой деятельности сопровождалось введение в оборот таких понятий, как «**производственная культура»** и **«производственная эстетика**», которые на предприятиях карельского лесопромышленного комплекса находились на крайне низком уровне. Судя по документам того времени, на ряде предприятий не разрабатывались мероприятия по промышленной эстетике (Лахденпохский фанерный комбинат, Ильинский, Керетский, Пудожский лесозаводы, Беломорский деревообрабатывающий комбинат). Особенно плохое состояние производственной культуры отмечалось на Кировском и Пудожском лесозаводах.

Так, Кировский лесозавод, сданный в эксплуатацию в1963 г. и оборудованный «с максимальными удобствами для рабочих», к1965 г. выглядел совершенно по-другому [2; 22]. Бытовок в лесном цехе не было, теплые туалеты были заколочены и не работали, территория лесозавода была захламлена отходами производства. Состояние рабочего поселка предприятия также было неудовлетворительным: не убраны кучи строительного мусора времен постройки поселка, вокруг общественных зданий и общежитий грязь, детские ясли и садик к зиме были не готовы.

Бытовое помещение цеха Пудожского лесозавода не работало, не было элементарных условий внутрисменного отдыха рабочих. Штукатурка стен облезла, на полу лужи воды, так как крыша не

ремонтировалась (не было досок на лесозаводе), рабочие принимали пищу на рабочих местах или в пиловочной мастерской. Территория поселка не была благоустроена [2; 23].

Не на всех предприятиях администрация уделяла внимание формированию элементарной трудовой среды, которая сохраняла рудименты **раннеиндустриального труда:** широкое использование ручного труда, высокий травматизм, преимущественное использование труда женщин и подростков и т. д.

К примеру, на Ляскельском целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК) в 1965 г., по свидетельству приехавшей партийной комиссии, в цехах комбината условия труда работающих продолжали оставаться тяжелыми. Из-за неисправности или отсутствия вентиляции многие цеха были запылены, загазованы; отмечалась высокая температура воздуха. В котельной завода «Харлу», входящем в состав ЦБК, содержание в воздухе пыли превышало допускаемые нормы в 33,5 раза. Загазованность воздушной среды в ряде цехов была выше допустимых норм в 3—5 раз. Из-за недостатка свежего воздуха рабочие выставляли рамы и держали открытыми двери, в результате вынужденных сквозняков многие заболевали. В отдельных цехах комиссией была отмечена сильная сырость, со стен и потолков на оборудование стекала вода, стены и потолки были покрыты плесенью и пылью, в помещениях темно, окна и приспособленные санитарно-бытовые помещения грязные. В результате отсутствия достаточного количества шкафчиков рабочие вынуждены были хранить одежду у станков и на батареях подоконников. Территория завода была захламлена строительными материалами и оборудованием [1; 19]. Даже в рабочей столовой завода «Харлу», размещенной в зале кислотного цеха, загазованность воздуха в 2 раза превышала допустимые нормы.

На комбинате широко применялся ручной труд на самых тяжелых опасных участках: погрузка баланса на вагонетки, закладка его в дефибреры, погрузка и разгрузка целлюлозы, выкатка рулонов бумаги и подача их в склад готовой продукции. В основном эти работы выполняли женщины. Ремонт механизмов производился здесь под открытым небом, механические мастерские не имели отопления, рабочие площадки захламлены, отсутствовали обогревательные помещения, в лесу не было организовано горячее питание.

Высокие показатели **производственного травматизма** — еще одна особенность функционирования института труда в региональной лесной отрасли. За 9 месяцев1965 г. на предприятиях лесной промышленности Карелии произошло 4 142 несчастных случая, которые вызвали нетрудоспособность в количестве 72 505 человеко-дней. За это время по причинам производственных травм и заболеваний ежедневно не работали 4 766 человек.

19 ноября 1965 г. президиум Центрального комитета Профсоюза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности специально рассмотрел отчет республиканского Управления лесной промышленности и обкома профсоюза по этому вопросу, указав, что на большинстве лесозаготовительных предприятий Карелии производственный травматизм продолжает оставаться на недопустимо высоком уровне, превышающем на 56 % средние показатели лесной промышленности страны. За 10 месяцев на лесозаготовительных предприятиях произошло 3 645 несчастных случаев, которые вызвали 63 807 человеко-дней нетрудоспособности. По причинам травм и заболеваний ежедневно (! — *О. К.*) на предприятиях Управления лесной промышленности Карелии не работали 3 100 человек.

Особенно высокий травматизм был в Клюшиногорском леспромхозе, где коэффициент частоты травматизма[1] составил 80 %, в Пудожском — 75,3 %, Лоймольском — 74,5 %, Новолендерском — 71 %, Кемском — 68,6 %. Особенно большую тревогу у региональных властей вызывал производственный травматизм с тяжелым исходом. За 10 месяцев1965 г. на производстве в Карелии погибли 25 человек, в том числе 19 на предприятиях лесной промышленности (из них на комбинате «Запкареллес» — 6 случаев, «Пудожлес» — 5, «Севкареллес» — 6, «Пуддожлес» — 5, «Севкареллес» — 3 случая) [1; 21].

Раннеиндустриальный характер труда в лесной промышленности Карелии середины 1960-х гг. с его травмоопасными условиями и преобладанием ручного труда подтверждается сравнением цифр по производственному травматизму в лесной промышленности региона и других отраслях экономики КАССР. По данным Статистического управления республики о несчастных случаях, связанных с производством в целом по народному хозяйству Карельской АССР: за первое полугодие1964 г. было зафиксировано 24 смертельных случая, 5,3 тыс. человек получили производственные травмы, потеряно 83,5 тыс. человеко-дней; за первое полугодие1965 г. было зафиксировано 25 смертельных случаев и 4,7 тыс. человек получили производственные травмы, в результате чего была потеряна 71 тыс. человеко-дней. Наибольшее число несчастных случаев со смертельным исходом выпало на долю лесозаготовительной промышленности (13 случаев) и транспорт (4 случая) [3; 57, 63]. Во всем народном

хозяйстве республики число пострадавших на 1 тыс. работающих составило в1965 г. 20 случаев, а в лесной промышленности оно достигло 34 случаев, в деревообрабатывающей — 23, а в сельском хозяйстве — 25 случаев [3; 58]. Другими словами, труд в лесной отрасли являлся самым травмоопасным среди всех отраслей экономики региона в этот период.

Примечательны причины, по которым в лесной отрасли происходили несчастные случаи. Согласно данным Управления лесной промышленности Карельской АССР о несчастных случаях за 1965 г., из 2 233 несчастных случаев 687 случаев, или 30,7 %, произошло по причинам нарушения технологического процесса или несоответствия его безопасной работе и неправильной организации труда. Кроме того, 566 несчастных случаев, или 25,3 %, произошли ввиду несоблюдения норм и правил техники безопасности при подготовке и содержании рабочих мест, габаритов, проездов и проходов; 216 несчастных случаев, или 9,7 %, произошли при нахождении в опасной зоне; 118 несчастных случаев, или 5,3 %, произошли из-за некачественного обучения рабочих безопасным приемам работы, отсутствия контроля за их исполнением [3; 59].

Таким образом, абсолютное большинство несчастных случаев в лесной отрасли произошли по причинам, связанным с нарушениями правил организации труда: безопасность человека на рабочем месте была одним из последних приоритетов как для самих рабочих, так и для администрации предприятий.

По производственным операциям причины несчастных случаев распределились следующим образом: захламленность и загромождение рабочих мест — 30 %, неисправность оборудования и инструментов — 12 %, отсутствие и неисправность ограждений на механизмах — 10 %, необеспеченность рабочих спецобувью – 9 %, необученность рабочих правилам техники безопасности — 21 %, прочие причины — 18 %. Аналогичным было положение по Управлению лесной промышленности КАССР в1964 г. [3; 60].

Следовательно, почти треть причин несчастных случаев связана с нежеланием или невозможностью работников привести свой рабочий участок в должный порядок. Второе место заняли причины, связанные с тем, что сами рабочие не были обучены правилам техники безопасности. При этом в1965 г. на охрану труда и технику безопасности было ассигновано на все отрасли промышленности республики 3 201,1 тыс. руб., фактически было израсходовано за первое полугодие 1 516,5 тыс. руб., или 47,4 %, годовых ассигнований. Из всей суммы средств на охрану труда в первом полугодии было израсходовано: на технику безопасности — 50,3 %, на вентиляцию — 45,5 %, санитарно-бытовые устройства — 45,8 % [3; 60].

Возникает вопрос: почему расходование таких значительных средств на технику безопасности и охрану труда в масштабах всей промышленности применительно к лесной отрасли не приводило к снижению количества несчастных случаев, которое из года в год было примерно одним и тем же (судя по данным Статуправления КАССР)? Ответ, по всей видимости, связан с тем, что деньги, выделяемые на охрану труда и технику безопасности, хронически не осваивались в силу того, что в первую очередь руководителей предприятий интересовало выполнение плановых производственных показателей, а финансирование безопасной среды труда для рабочих реализовывалось по остаточному принципу.

По видам работ несчастные случаи в целом по республиканскому Управлению лесной промышленности и лесного хозяйства распределились следующим образом: из 2 233 несчастных случаев 902 случая, или 40,4 %, произошли на валке, трелевке, обрубке сучьев, раскряжевке и разделке древесины; 300 случаев, или 13,4 %, — при штабелевке и сортировке древесины; 365 случаев, или 16,4 %, — при погрузке, выгрузке и разгрузке древесины [3; 59]. Технологические операции, при проведении которых было максимальное использование ручного труда, связаны с наибольшим процентом производственного травматизма [3; 67].

Аналогично распределялись несчастные случаи по видам работ в 1964 г. Это свидетельствует о том, что руководители лесозаготовительных предприятий не принимали достаточных мер по наведению порядка в охране труда и технике безопасности. Те меры, которые принимались, можно отнести к разряду формальных. В качестве таковых предстают комплексные планы мероприятий по охране труда и технике безопасности на 1962—1965 гг. Согласно этим планам, на всех предприятиях совместно с профорганизациями и медицинскими учреждениями ежегодно проводились общественные смотры по технике безопасности и охране труда, которые являлись неотъемлемой частью коллективных договоров.

На I квартал 1965 г. на предприятиях объединения «Кареллеспром» проходил общественный смотр по технике безопасности и охране труда. Разработали «Положение о проведении смотра» с целью снижения производственного травматизма «за счет повышения культуры труда, широкого внедрения

передовой технологии, механизации тяжелых и трудоемких работ, повышения квалификации рабочих и т. д.» [4; 2]. Но потом последовала констатация, что руководители ряда леспромхозов (ЛПХ) и рабочих (профсоюзных) комитетов «неудовлетворительно организовали смотр на своих предприятиях». В результате данное мероприятие явилось очередной формальностью, результаты не были достигнуты, производственный травматизм по сравнению с предшествующим годом возрос. К примеру, в Кемском леспромхозе коэффициент частоты травматизма составил 75,8 % по сравнению с 72 % за1964 г., в Северном ЛПХ данный показатель оказался самым большим для предприятий «Кареллеспрома» — 100 % [4; 2].

Еще одной особенностью труда в лесной отрасли Карелии стала **слабая приспособляемость к любым положительным новшествам** в организации трудового процесса, инициируемым в основном сверху. Именно в указанный период на многих предприятиях страны, в том числе на лесозаготовительных предприятиях Свердловской, Тюменской и других областей, широкое распространение получили планы научной организации труда (НОТ). В августе 1965 г. группа инженерно-технических работников и профсоюзного актива с предприятий лесопромышленного комплекса КАССР побывала на Всесоюзном семинаре по научной организации труда в Бисерском леспромхозе Свердловской области. Там они убедились, что благодаря НОТ повышается производительность труда, а культура производства, санитарно-гигиенические условия обеспечивают бо*л*ьшую экономическую эффективность. Но рекомендации Бисерского леспромхоза не нашли применения на предприятиях лесной промышленности Карелии, за исключением комбината «Южкареллес», который — единственная новаторская инициатива — разослал по своим предприятиям методику и образец плана НОТ на погрузочно-разгрузочные работы консольно-козловыми кранами ККУ-7,5 [1; 22—23].

Слабое использование положительного производственного опыта было характерно для предприятий Карелии не только на межрегиональном, но и на внутрирегиональном уровне. К примеру, в1964 г. на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате был рассмотрен опыт работы бригады старшего варщика М. Я. Шипкова. В этой бригаде выход целлюлозы первого сорта являлся самым высоким на заводе, годовое задание было, в отличие от других бригад, перевыполнено. Однако данный производственный опыт на ЦБК не был распространен [5; 8]. На комбинате простой бумагоделательных машин в1964 г. был в 2 раза выше, чем простой таких же машин на предприятиях общесоюзного значения — Соликамском или Балахнинском комбинатах.

Кроме технических неполадок, связанных с низкой квалификацией рабочих, их обслуживавших, причинами непроизводительного использования агрегатов являлись случаи воровства, пьянства. Согласно документам, имели место «…случаи пьянства и выхода на работу в нетрезвом состоянии среди коммунистов» [5; 9].

Для труда в лесной отрасли была характерна **воспроизводимость неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения**. К примеру, на Сегежском ЦБК за 9 месяцев1965 г. по причине прогулов были потеряны 3 711 человеко-дней. Число рабочих, совершивших прогулы, за это время составило 205 человек. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года производительность труда снизилась на 6,7 % [1; 103]. При такой ситуации с производительностью труда заводской комитет в планах работы предусматривал ежемесячное подведение итогов социалистического соревнования между цехами. Согласно условиям социалистического соревнования цехам-победителям вручались переходящие Красные знамена и денежные премии: по основным цехам — 250 руб. на человека, по вспомогательным — 50 руб. На комбинате имелись доски почета и показателей. Доска почета обновлялась 2 раза в год, на доске показателей отражались итоги работы по выпуску основных видов продукции за сутки и с начала месяца. Аналогичные доски были во всех цехах [1; 103]. Очевидно, эти меры материального и нематериального поощрения результата не давали.

Одним из базовых показателей эффективности труда является рост производительности труда и его взаимосвязь с ростом материального стимулирования работников. Об отсутствии жесткой взаимосвязи этих показателей говорит тот факт, что производительность труда в лесной промышленности Карелии на протяжении периода середины 1950-х — середины 1960-х гг. росла неравномерно. В период с 1955 по 1960 г. комплексная выработка на одного рабочего увеличилась на 44 % (с 271 до 389 м^3 древесины в год на 1 рабочего), а к 1962 г. снизилась до 355 м^3 и только в 1964 г. приблизилась к уровню 1960 г. — 383 м^3 [3; 85].

Заработная плата рабочих за этот период повысилась на 35 % (с 1 198 до 1 616 руб. в год на рабочего). Если сравнивать соотношение роста производительности труда и заработной платы рабочих с 1955 по 1964 г., то комплексная выработка на рабочего росла по периодам следующим образом: в

1958 г. она составила 129 % к показателям к 1955 г., в 1961 г. — 109 % по сравнению с1958 г., в1964 г. — 101 % по отношению к1961 г. В итоге к1964 г. комплексная выработка на одного рабочего по сравнению с1958 г. увеличилась на 110 %. Средняя зарплата рабочего на лесозаготовках в эти же годы менялась следующим образом: 1958 г. — 115 % к1955 г., 1961 г. —105 % к1958 г., 1964 г. — 114 % к1961 г. В итоге к1964 г. средняя зарплата на одного рабочего по сравнению с1958 г. увеличилась на 120 % [3; 86]. Таким образом, за десятилетие показатель роста производительности труда в лесной промышленности региона как минимум на 10 % отстал от роста заработной платы. Такое соотношение сложно отнести к эффективной мере стимулирования труда.

Заработная плата за данное десятилетие росла в основном за счет увеличения премиального вознаграждения, сумма которого с 1961 по1964 г. увеличилась более чем вдвое (со 107,7 до 222,3 руб. на 1 рабочего в год), а также за счет увеличения надбавок по районному коэффициенту, выросших на 25 %. Причиной резкого увеличения премии в заработной плате рабочих в 1964 г. явилось установление в1963 г. на всех работах максимальной шкалы премиального вознаграждения, при которой предельный размер премии (50 % заработка) начислялся после выполнения норм выработки, на основе которых устанавливались планы бригадам на 115 % и более [3; 87].

В результате в некоторых леспромхозах механически увеличивались премии рабочим без роста производительности труда. К примеру, в Шуйско-Виданском ЛПХ, где большинство бригад выполняли и перевыполняли планы, при применении этой шкалы средний процент выполнения норм в1964 г. по сравнению с1961 г. не только не увеличился, но и снизился. Если в 1961 г. он составлял 125 %, то в 1964 г. снизился до 122 % [3; 87]. Максимальный процент премирования рабочих при невысоком росте производительности труда вряд ли мог стать стимулом для более производительного труда. Положение с ростом производительности труда и заработной платы, существовавшее в Шуйско-Виданском леспромхозе, было характерно, судя по документам, для всей лесной промышленности Карелии.

Парадоксальным образом существовавшая в рассматриваемый период система оплаты труда, механически устанавливавшая высокие премии рабочим независимо от результата труда, одновременно снижала трудовую мотивацию инженерно-технических работников, от которых зависело внедрение новых технологий и техники на производстве. Проведенное в октябре 1959 г. «упорядочение» системы премирования инженерно-технических работников, введенные тогда же ограничения в выплате премий вместо усиления материальной заинтересованности работников привели к ее снижению. В результате заработная плата руководящих и инженерно-технических работников в образцово-показательном Шуйско-Виданском леспромхозе в1964 г. даже не достигла уровня1958 г. (148,7 руб. в 1958 году и 147 руб. в 1964 году, или 98,9 %), а по Управлению лесной промышленности КАССР в целом в1963 г. среднемесячная заработная плата этих работников составила в сравнении с их зарплатой в 1958 г. всего 97,4 %. Основной причиной снижения заработной платы инженерно-технических работников явилось резкое уменьшение доли премий в заработной плате, которое не компенсировалось повышением должностных окладов, утвержденным при упорядочении оплаты труда этой категории работников [3; 87].

В результате, поскольку в конце 1950-х — начале 1960-х гг. заработная плата рабочих постоянно повышалась, а зарплата инженерно-технических работников не увеличивалась, разрыв в уровне их заработной платы сократился (109,3 % в 1964 г. по сравнению с 167 % в1955 г. по Шуйско-Виданскому леспромхозу и 108,5 % в1963 г. по сравнению с 156,5 % в1955 г. в целом по Управлению). Как показал анализ, перерасход фонда заработной платы нельзя было объяснить лишь плохим руководством со стороны инженерно-технических работников производственной деятельностью предприятий. Перерасход являлся преимущественно результатом неправильного планирования фондов заработной платы [3; 92] .

Существовавший порядок планирования «от достигнутого уровня» приводил к тому, что при улучшении работы и перевыполнении плановых показателей росли премии, выплаты по районному коэффициенту и ряд других доплат, которые образовывали перерасход фонда заработной платы, и не покрывались при его перерасчете. В результате инженерно-технические работники лишались премий по причинам, от них не зависящим. При таком порядке выплаты премий руководящие и инженерно-технические работники не были заинтересованы в улучшении качественных и количественных показателей работы предприятий, в росте производительности труда, поскольку любое превышение запланированных показателей вело к перерасходу фонда заработной платы, которое, в свою очередь, негативно сказывалось на зарплатах [3; 93].

Еще одну группу проблем в сфере материального стимулирования труда работников лесной промышленности региона образуют **недостатки распределения финансовых потоков со стороны**

центральных министерств. В частности, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 582 от 21.07.1966 «О повышении материальной заинтересованности работников предприятий лесной промышленности, расположенных в многолесных районах, в увеличении объема лесозаготовок» было предусмотрено увеличение размера премий рабочим, ИТР и служащим лесозаготовительных предприятий за перевыполнение плана. Госплан СССР должен был внести соответствующие изменения в планы по труду и себестоимости. Однако Министерство лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР по какой-то причине не предусмотрело нужного увеличения фондов заработной платы для объединения «Кареллеспром». В результате в1966 г. на дополнительные выплаты премий фонд заработной платы был увеличен не на запланированные 4 600 тыс. руб., а всего на 2 080 тыс. руб.. В результате объединение лишилось возможности применять в лесной промышленности региона повышенные размеры премий, предусмотренные постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР [5; 18].

Парадоксом в специфике начисления заработной платы и премий в лесной промышленности Карелии было и то, что в связи с необходимостью закреплять на предприятиях кадры рабочих (текучесть здесь была велика) государство стремилось создавать льготные условия для лиц, недавно приехавших в Карелию и преимущественно занятых на вспомогательных строительных работах. При этом кадровые работники отрасли дополнительных надбавок лишались.

Постановлением Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и секретариата ВЦСПС от 03.06.1966 № 324/12 работникам строительно-монтажных управлений, занятым на строительстве лесозаготовительных предприятий в многолесных районах, была разрешена выплата надбавки «за подвижной характер работ» в размере 30 % должностного оклада или тарифной ставки присвоенного разряда. Однако это постановление не решало вопросов выплаты надбавки кадровым рабочим и инженерно-техническим работникам строительных организаций, так как надбавки лишались работники: а) проживавшие более пяти лет в одном и том же месте на предоставленной им жилой площади в домах постоянного типа; б) принятые на работу из числа местных жителей, в случаях если они имели возможность ежедневно возвращаться с места работы к месту постоянного жительства (это расстояние могло ежедневно достигать десятков километров в одну сторону. — *О. К.*); в) переведенные из другой местности, если этим работникам выплачены подъемные и предоставлена жилая площадь в домах постоянного типа.

В результате таких ограничений кадровые строители из числа местных жителей и проработавшие более пяти лет практически лишались надбавки, а также льгот, предусмотренных для работников леспромхозов постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 582 от 21.07.1966. В связи с этим кадровые работники строительных организаций переходили на работу в лесозаготовительные предприятия, что увеличивало и без того высокую текучесть кадров [5; 19].

Любопытно, что с точки зрения неравномерности распределения финансовых потоков в советской распределительной экономике Карельская АССР оказалась регионом, где районные коэффициенты к заработной плате работников лесной промышленности практически не применялись. Постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиума ВЦСПС от 09.08.1966 № 473/п-21 была предусмотрена выплата районного коэффициента к заработной плате работников предприятий, организаций и учреждений, обслуживавших предприятия и организации лесной промышленности в южных районах Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера. Советом Министров КАССР и областным советом профсоюзов был подготовлен перечень лесных поселков Карелии, где должен был применяться данный коэффициент к заработной плате. Однако Госкомитет СМ СССР по вопросам труда и зарплаты и ВЦСПС отказали республиканским властям в возможности использования данного коэффициента, не разъяснив порядок его применения к зарплате работникам просвещения, здравоохранения, бытового обслуживания предприятий лесной промышленности республики [5; 20].

Важнейшим индикатором эффективности труда в региональной лесной отрасли стали **прогулы**. Значительный их процент приходился на неявки с разрешения администрации. Большие потери рабочего времени были связаны с целодневными и внутрисменными простоями; их сокращение, несмотря на все усилия администрации предприятий, шло крайне медленно. Наряду с потерями, обусловленными организационно-техническими причинами (отсутствие сырья, материалов, электроэнергии, неисправность, наладка оборудования, смена инструмента, исправление брака и т. д.), значительную часть внутрисменных потерь рабочего времени составляли потери по вине рабочих (опоздание на работу, преждевременный уход на обед и с работы и т. п.). Эти потери часто были связаны с недостатками в работе сферы обслуживания [10; 58].

Немалый ущерб лесопромышленному комплексу Карелии наносила **текучесть кадров**. Ежегодно с предприятий лесной отрасли республики увольнялось примерно такое же количество рабочих, какое принималось на работу. Из них около половины — «по собственному желанию», за прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины. Частые увольнения сдерживали рост производительности труда, вызывали дополнительные расходы на обучение и переобучение рабочих, снижали и без того низкую трудовую дисциплину, отрицательно сказывались на производстве продукции. Показательна динамика тех лет. В 1963 г. на лесозаготовительные предприятия Карелии прибыло 26 077 человек, выбыло — 24 595. В1964 г. прибыло 23 617 человек, выбыло — 23 457. За 9 месяцев1965 г. прибыло 16 895 человек, выбыло — 18 297 [3; 105]. Такая почти стопроцентная текучесть рабочей силы на предприятиях отрасли формировала в людях, прибывавших на работу в лесозаготовительные предприятия республики (чаще всего из-за пределов Карелии), понимание временности их трудовой занятости, а также соответственное равнодушное отношение к рабочему месту и результатам своего труда. Говорить о бережливом отношении к лесу как главному ресурсу региона со стороны таких временных работников явно не приходится.

Выводы. К характеристикам труда в лесной промышленности Карелии в рассматриваемый период, объясняющим его низкую эффективность, можно отнести: формализм в реализации трудовых отношений между работниками и администрацией предприятий, наличие казенной среды труда, элементы раннеиндустриального труда, высокий производственный травматизм. Данные особенности также проявились в слабой восприимчивости к положительным новшествам, в устойчивом воспроизводстве неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения, а также в недостатках распределения финансовых потоков со стороны центральных министерств. Результатом таких особенностей стал высокий уровень прогулов и текучести в отрасли, которые в свою очередь усиливали воздействие выше приведенных негативных особенностей.

Эти особенности института труда в лесной отрасли Карелии середины 1960-х гг. явились следствием централизованного механизма администрирования трудовых отношений, который подразумевал регулирование отношений почти исключительно «сверху» при наличии слабой обратной связи «снизу». Выделенные особенности функционирования социально-трудовых отношений в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х гг. стали той «миной замедленного действия», которая привела главную отрасль региональной экономики к тяжелому кризису в последующие десятилетия.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 136.
2. НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 138.
3. НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139.
4. НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 123.
5. НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 124.

Литература

1. Белоногов Ю. Г. Эволюция советской модели экономики 1950—1960-х годов в отечественной историографии // Антро. 2014. № 1 (14). С. 116—125.
2. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. Москва, 2006.
3. Калинина О. Н. Характер взаимодействия управленческих групп в интересах развития регионов Сибири (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 161—167.
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики : институциональный анализ. Москва, 2004.
5. Кулагин О. И. Проблемы трудовой мотивации работников лесной промышленности Карелии в конце 1960-х — 1970-е гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. №1. С. 163—173.
6. Кулагин О. И. Социальный облик и трудовая мотивация рабочих лесной промышленности

Карелии (1917—1928) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия : Общественные и гуманитарные науки. 2011. Т. 1, №7. С. 13—18.
7. Кулагин О. И. Основные проблемы реализации института редистрибуции в советской лесной экономике середины 1960-х годов (на примере лесной промышленности Карельской АССР) // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 41. С. 279—300.
8. Кулагин О. И. Роль «неофициальной экономики» в советской лесной промышленности второй половины 1960-х — начале 1970-х гг. (по материалам Карельской Автономной Советской Социалистической Республики) // Глобальный научный потенциал. 2013. № 1 (22). С. 24—27.
9. Кулагин О. И. Скрытые социальные конфликты на предприятиях советской лесной промышленности во второй половине 1960-х гг. (по материалам Карельской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. 2013. № 3—1. С. 91—93.
10. Поланьи К. Примитивная, архаичная и современная экономика : эссе (Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi, 1968).
11. Проблемы экономического и социально-экономического развития Карелии. Ленинград, 1989.
12. Kulagin O. I. Workers in forests: Social identity and labour motivation in timber industry of Karelia in 1917—1928 // Журнал Сибирского федерального университета. 2013. № 4. С. 406—414.

REFERENCES

ARCHIVAL SOURCES

1. National Archive of Republic of Karelia (hereinafter — NA RK) [Natsional’niy Arhiv Respubliki Kareliya], Fund P-3. Opis’ 16. Delo 136.
2. NA RK. Fund P-3. Opis’ 16. Delo 138.
3. NA RK. Fund P-3. Opis’ 16. Delo 139.
4. NA RK. Fund P-3. Opis’ 17. Delo 123.
5. NA RK. Fund P-3. Opis’ 17. Delo 124.

LITERATURE

1. Belonogov U. G. Evolution of the Soviet economic model in 1950—1960 in the national historiography [Evolyutsiya sovetskoy modeli ekonomiki 1950] // Anthro. 2014. № 1 (14). P. 116—125.
2. Bessonova O. E. Distributing Russia's economy: evolution through transformation [Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsiyu]. Moscow, 2006.
3. Kalinina O. The character of interaction of management teams for the development of Siberia (the second half of 1940s — beginning of 1960s) [Harakter vzaimodeystviya upravlencheskikh grupp v iteresakh razvitiya regionov Sibiri // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya]. 2013. V. 12, № 8. P. 161—167.
4. Kirdina S. G. X- and Y-economy: institutional analysis [X- i Y-ekonomiki: institutsional’nyi analiz]. Moscow, 2004.
5. Kulagin O. I. The problems of labour motivation of workers in timber industry ofKareliain the late of 1960s — 1970s. [Problemy trudovoy motivatsii rabotnikov lesnoy promyshlennosti Karelii v kontse 1960-kh – 1970-e gg.] // Srednerussky Vestnik of Social Sciences [Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk]. 2012. № 1. P. 163—173.
6. Kulagin O. I. Social image and labour motivation of workers in timber industry of Karelia (1917—1928) [Sotsial’nyi oblik i trudovaya motivatsiya rabochikh lesnoy promyshlennosti Karelii (1917—1928)] // Scientific notes of PetrSU. Series: Social Sciences and Humanities [Uchenye zapiski PetrGU. Seriya: Obchestvennye i gumanitarnye nauki]. 2011. Vol. 1, № 7. P. 13—18.
7. Kulagin O. I. The main problems of the implementation of the institute of redistribution in the Soviet timber economy in the middle of 1960s (on the example of the timber industry of the Karelian ASSR) [Osnovnye problemy realizatsii instituta redistributsii v Sovetskoy lesnoy ekonomike serediny 1960-kh godov (na primere lesnoy promyshlennosti Karel’skoy ASSR] // State management. Electronic Bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2013. № 41. P. 279—300.
8. Kulagin O. I. The role of the «informal economy» in the Soviet timber industry in the second half of the 1960s — early 1970s. (Based on materials of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic). [Rol’ «neformal’noy ekonomiki» v Sovetskoy lesnoy promyshlennosti vtoroy poloviny 1960-h – nachale 1970-kh gg. (po materialam Karel’skoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki] // Global scientific potential [Global’nyi nauchnyi potentsial]. 2013. № 1 (22). P. 24—27.

9. Kulagin O. I. Latent social conflicts in the enterprises of the Soviet timber industry in the second half of the 1960s. (Based on materials of Karelian ASSR) [Skrytye sotsial'nye konflikty na predpriyatiyakh sovetskoy lesnoy promyshlennosti vo vtoroy polovine 1960-kh gg. (Po materialam Karel'skoy ASSR] // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and Practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie, kul'turologiya i iskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2013. № 3—1. P. 91—93.
10. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi, 1968 [Primitivnaya, Arkhaichnaya i Sovremennaya ekonomika: Esse Karla Polan'i].
11. The problems of economic and socio-economic development of theRepublicofKarelia[Problemy ekonomicheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kareliya]. Lenigrad, 1989.
12. Kulagin O. I. Workers in forests: Social identity and labour motivation in timber industry of Karelia in 1917—1928 // Journal of Siberian Federal University. 2013. № 4. P. 406—414.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коэффициент частоты травматизма (Кч) — коэффициент, выражающий количество несчастных случаев на производстве, приходящихся на 1 тыс. работников. Обычно Кч определяется за 1 год. Рассчитывается по формуле Кч = Т · 1000/Р, где Т — общее число пострадавших за определенный период времени независимо от того, закончилась ли временная нетрудоспособность в этом периоде, Р — среднесписочная численность работников за этот период времени.